

МАРТОНЪ
И
СУСАНА,
АНГЛІЙСКОЙ АНЕКДОТЪ.

Съ Французскаго.

МОСКВА, 1802.

ВЪ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

*Съ дозволенія Московской
Цензуры.*

*Ни чужь, ни красота, ни даже
добродѣтель,
Отъ лютыхъ рока стрѣль ничто
не защититъ!*

Маршонъ получилъ хорошее воспитаніе, которое наконецъ и погубило его, сдѣлавъ слишкомъ чувствительнымъ. Просвѣщеніе разума усугубляетъ въ насъ чувствительность, а она - то въ послѣдствіи и есть первая губительница человѣка несчастнаго. Родственники Маршоновы опправляли значной торгъ

въ Англіи ; онъ былъ единственнѣйшій у нихъ наслѣдникъ, почему и могъ надѣяться быть щасливѣе ; но щастіе многихъ непріятныхъ обстоятельствъ и непредвидѣнное банкротство разрушили всѣ лестныя надежды его , и въ короткое время изъ богатаго наслѣдника Мартонъ сдѣлался самымъ бѣднѣйшимъ гражданиномъ . Тогда сей молодой человекъ съ лишеніемъ богатства лишился и всѣхъ прежнихъ друзей своихъ, сталъ чуждаться ихъ общества, и наконецъ , не желая подвергать себя тѣмъ колкимъ насмѣшкамъ , которыя обыкновенно влечетъ за собою превратность нашего

щаспія, рѣшилса оставитъ свое отечество и переѣхашъ въ Новой Йоркѣ. Тамъ разсуждая, что никакіе труды не могутъ быть предсудительны для бѣднѣши, что одна только порочная жизнь дѣлаетъ ее презрѣнною — тамъ ведя себя честно, работаючи дни и ночи, скопилъ онъ наконецъ небольшую сумму и началъ содержать Кофейной домъ. — Не рѣдко и въ самыхъ величайшихъ нещаспіяхъ душа наша разверзается для нѣжнѣйшихъ впечатлѣній любви. Мартонъ увидѣлъ юную Сусанну и полюбилъ ее. Она была дочь бѣдныхъ, но честныхъ родителей, которыхъ добродѣ-

тельные примѣры сполько же дѣйствовали надъ сердцемъ ея, какъ и благоразумныя ихъ наставленія; была прекрасна — а непорочность нравовъ ея равнялась прелестямъ лица. Маршонъ также былъ не противенъ ей; взаимное влеченіе сердецъ и равенство соспояній вскорѣ соединили ихъ нѣжнѣйшими узами брака. Любовь и вѣрность были основаніемъ сего супружества — а шрое милыхъ дѣшей плодомъ его. Трудолюбіе всегда было главнѣйшею ихъ добродѣтелію, и всѣ ихъ попеченія состояли въ томъ, чтобы удовлетворить заимодавцевъ своихъ, когда необходимость заставляла одолжаться

ими. Иногда чувствовали они беспокойство отъ недоспадка своего, но чувствовали и перпбли вмѣстѣ. Ахъ! ни какіе труды, ни самыя величайшія нещастія не могутъ для насъ быть столь тяжгосны, когда любезный предметъ раздѣляетъ ихъ съ нами!

Съ нѣкотораго времени Маршонъ сдѣлался задумчивѣе обыкновеннаго. Часто съ горестною нѣжностію глядѣлъ онъ то на супругу, то на дѣтей своихъ, биралъ ихъ на руки, цѣловалъ: — тяжкіе вздохи вылетали изъ его груди, слезы противъ воли капились изъ глазъ. Сусанна не знала прежде, что обѣзшомъ думашь; но въ одинъ

день не могла уже она преодолѣть себя и начала ему говорить: — „Ты плачешь, мой любезный другъ! ты плачешь!... Ахъ! какая неизвѣстная мнѣ печаль стѣсняетъ душу твою? какія тебѣ мучительныя тайны, копорыхъ ты не удостоиваешь меня раздѣлять съ тобою!... Чѣмъ я заслужила недовѣренность твою? - .. Скажи, ради Бога! скажи, что тебя сокрушаетъ столько?... Увы! могу ли я безъ оправданія глядѣть на слезы твои, слышать твои воздыханія!... „ Сусанна! Сусанна! если бы знала ты, какая участь насъ ожидаетъ!... я трепещу отъ одного воображенія! — Ког-

да я любима тобою, то
нѣтъ ничего въ свѣтѣ для
меня ужаснаго! Скажи же
скорѣе, отъ чего такое оп-
чаяніе? — Развѣ не сму-
щаютъ тебя заимодавцы? Мы
шрудимся до изнуренія силъ
своихъ, но со всѣмъ тѣмъ со-
стояніе наше не поправляет-
ся ни мало, и... — И
только? Переспань же, мой
милой другъ! съ эгихъ поръ
я общаюсь тебѣ удвоить
мои работы можетъ быть
мы и скоро заплатимъ всѣ
наши долги., — Марпонъ взгля-
дываетъ на Сусанну. — „А
знаешь ли ты, сколько мы дол-
жны всего? — Очень знаю:
долгъ нашъ не неоплатной. —
Нѣтъ, Сусанна! по этому

ты не знаешь еще ничего...
Ахъ! ненавидь, проклинай
убійцу твоего и всего семей-
ства! — Я не понимаю те-
бя, Маршонъ.... — И не спра-
шивай больше; велико мое
преступленіе.... О, Творецъ
милосердый! не допусти, что-
бы добродѣтельная супруга
и этъ невинные были жер-
пвою моего слабоумія!
Сусанна! мнѣ остается толь-
ко умереть..... — „Умереть?..
Тебѣ умереть? и ты могъ
выговорить это?... Но по-
думай, Маршонъ, что будетъ
тогда со мною, съ сиротами
твоими?... Теперь-то я вижу,
что ты пересталъ меня лю-
бить! Можетъ ли быть та-
кая шайна, которой бы мы

не открыли пому, кого прямо любимъ? Есть ли горесъ на землѣ, въ которой бы соучасніе милаго человѣка не приносило утѣшенія?... Но когда уже любовь моя тебя ни мало не прогаешъ, то именемъ человѣчества заклинаю тебя сказать мнѣ все... — Ты непременно того хочешь — непременно?... Ну, будь такъ! — возразилъ съ горестною рѣшимостію Маршонъ. — Слушай, Сусанна: тебѣ извѣстно мое сердце; ты знаешь, сколь оно чувствительно къ спраданіямъ ближняго; измѣнникъ, котораго ты часто здѣсь видала, которой назывался моимъ другомъ — обманулъ меня. Онъ

задолжалъ, его начали ловить, участь его меня пронула. . . и я имѣлъ малодушие за него поручиться. Неблагодарной уѣхалъ тайно отсюда, и мы обязаны теперь плащить за него. Я былъ уже у одного изъ заимодавцевъ, просилъ его сдѣлать намъ хоть малую отсрочку; но сей жестокосердой человекъ не сжался ни мало надъ состояніемъ нашимъ, и непремѣнно велѣлъ гоповить всѣ деньги къ сроку. Вотъ, Сусанна, до чего меня довела моя чувствительность! — Правда, мой другъ, поступокъ твой неостороженъ, говорила въ упрежденіе ему добродѣтельная его супруга: но ты не

сполько еще виновать; одно
вбродомство людей должно
проклинашь. Положеніе наше
очень дурно, я это вижу
сама; но какая будетъ намъ
польза отъ нашего опчаянія?
Спаземъ лучше помышлять
о средствахъ. Успокойся, Мар-
тонъ; я теперь же пойду къ
этому неумолимому заимо-
давцу: не лзя спасться, чтобы
онъ былъ столь безчеловѣ-
ченъ; я представлю ему всю
невозможность нашу, увбрю,
что всѣ дни и часы употреблю
на то, чтобы скорбе его
удовлетворишь... и щаспли-
ливѣйшею себя почту естли
сею цѣною, цѣною самой жиз-
ни моей могу возвращишь те-
бѣ спокойствіе. „

Она беретъ маленькаго сына, копорой сосалъ еще грудь, и поспѣшно опходитъ въ домъ заимодавца. Сей извергъ имѣлъ прямо желѣзное сердце: ни прозъбы, ни слезы бѣдной Сусанны не могли его ни мало пронуть; на всѣ жалобы ея онъ отвѣчалъ двумя только словами: *денеги*, или *тюрьма*. Сусанна закликаетъ его возрѣшь окомъ состраданія на бѣдное ихъ состояніе; но нечувствительной не хочетъ ничего слушать и высылаетъ ее вонъ.

Маршонъ неперпѣливо ожидалъ ея возвращенія. Она рассказываетъ ему о маломъ успѣхѣ ходьбы своей. Что имъ оспавалось дѣлать? Раз-

продавъ все, что они имѣли, и вырученныя деньги отдавъ въ уплату займодавцу, наконецъ только и надежды имѣ осталось на малой торгѣ свой кофею. Дни проходили, срокъ приближался и ужасная роковая минута не выходила никогда изъ ихъ памяти. Уже сія добродѣтельная женщина начинала изнемогать подъ бременемъ неусыпныхъ трудовъ своихъ: цѣлыя ночи просиживала она за шитьемъ, или за другою работою, между тѣмъ какъ Марпонъ отправлялъ свое ремесло, приносящее ему очень малой доходъ. —

Прекрасная Сусанна, обыкновенно какъ содержатель-

ица Кофейнаго дома, была окружена всякой день людьми, старающимися соблазнить ее; но будучи вѣрна добродѣтели, она не помышляла о красотѣ своей, а любя спраспно супруга, далеко была отъ всѣхъ искушеній. Между сими развращителями находился одинъ, превосходящій всѣхъ другихъ въ семъ искусствѣ. Ионафанъ (такъ онъ назывался) служилъ Офицеромъ въ колоніи. Худое мнѣніе, какое имѣли объ немъ всѣ его товарищи, давно бы принудили другаго оставишь службу; но онъ былъ очень мало къ сему чувствителенъ и жилъ разными бездѣльными оборотами, стараясь

осторожно скрывать оныя. Съ перваго взгляду онъ влюбился смертельно въ Сусанну: ея постоянство раздражало его, и шѣмъ болѣе усиливало порочный пламень страсти въ его сердце.

Сколько ни старалась Сусанна скрывать печаль свою, но не могла уже преодѣвать себя болѣе. Пагубный срочный день приближался; она видѣла, что уплатить всѣмъ заимодавцамъ ни какъ не лзя имъ было; стѣнная дверь темницы распворялась въ ея восбраженіи, и обожаемый супругъ мечтался ей умирающимъ подъ тягостію оковъ. Ионафанъ первой примѣтилъ ея смущеніе и слезы, копо-

рыя тошвы были всегда выкапиться изъ ея глазъ. Въ одинъ день онъ нарочно выждалъ всѣхъ, и оставшись одинъ съ нею началъ говорить „Давно уже я примѣшилъ, сударыня, что есть у васъ въ сердцѣ какая нибудь сильная печаль, хотя вы и стараетесь скрывать ее въ эпомъ воля ваша; но я, не смѣя спрашивать о причинахъ, повѣрьте, принимаю въ ней искреннѣйшее участіе, и за особое щастіе почелъ бы оказать вамъ всевозможныя мои услуги. По крайней мѣрѣ позвольте ли надѣяться...„ — Сусанна отблагодарила его равнодушно, принявъ всѣ слова его за обыкновенный ком-

плиментъ свѣтской учтивости, и старалась между тѣмъ скорѣе окончатъ разговоръ. Но Ионафанъ настоялъ въ томъ, и послѣ многихъ съобѣихъ спорныхъ возраженій онъ доводитъ ее до невозможности продолжатъ. Сердечная горестъ излилась въ слезахъ ея. Лицемѣръ плачетъ вмѣстѣ съ нею — и самъ божественнымъ знакомъ искренняго соучастія выневоливаетъ Сусанну открытись ему во всемъ. Сія любезная женщина, судя по чистотѣ собственной своей души, не воображала, чтобы злодѣянiе развращеннаго сердца такъ далеко простиралось. Она почитаетъ Ионафана Ангеломъ

небеснымъ, сошедшимъ для ихъ помощи, и съ свойственною всѣмъ добрымъ опкровенностію, рассказываетъ ему все. Чувство несчастія и лучъ надежды усугубляетъ прелести лица ея, и тѣмъ больше воспламеняетъ Іонафана. Онъ клянется пожертвовашъ для нее всѣмъ... Сусанна не престаётъ убирать его въ вѣчной своей благодарности, называя всѣми священнѣйшими именами: другомъ человечества, воскресителемъ погибающаго семейства. — „О, государь мой! продолжаетъ она, проливая испочники слезъ, государь мой! познай самъ всю цѣну

твоего благодѣянiя: ты спасаешь жизнь опцу, матери и премо невиннымъ младенцамъ. Никогда, никогда не престанемъ мы благословлять тебя предъ всевидящимъ Существомъ! — оно одно и можетъ вознаградить тебя за добродѣшель твою! Никогда не выдетъ изъ памяти нашей, что ты для насъ сдѣлаешь, и чувствованiя живѣйшей къ тебѣ благодарности окончатся не прежде, какъ съ жизнью нашею! — „Переспаньте, прекрасная Сусанна, въ этомъ кошелькѣ сто гвиней; возьмите, онъ принадлежитъ теперь вамъ; но . позвольте включишь тушь иѣкоторое условiе. . . —

„Условіе! прерываетъ его вдругъ Сусанна; условіе!...„ и нѣкое страшное предчувствіе румянцемъ непорочности покрыто лице ея. Она спарается разувѣрить себя въ подозрѣніи на Іонафана. — „Сусанна! отъ чего такое смущеніе?... — „Что вы хотѣли сказать, государь мой?... — „Что я обожаю тебя, прекрасная!„ и съ сими словами бросается передъ нею на колѣни, хочетъ поцѣловать ее руку; но Сусанна отпалкиваетъ его съ ужасомъ. — „Такъ въ этомъ-то состоитъ добродѣтельное швое намѣреніе?... Оставь, оставь лучше погибать насъ!!.. Видно нѣтъ истиннаго великодушія

на землѣ!... — „Послушайте, сударыня: въ моей ли волѣ преодолѣть ту любовь, которую вы вдохнули въ меня? Вы говорите о состояніи вашемъ — мое во споразѣ ужаснѣе: одна мысль не быть любиму вами, тысячею лютыхъ смертей раздираетъ мою душу! Что значатъ эти сто гвиней? Всѣ сокровища свѣта, когдабъ то было въ моей власти, всѣ сокровища свѣта я повергъ бы къ ногамъ вашимъ. Увѣряю васъ, клянусь, что никто не будетъ знать этого... — „Никто не будетъ знать? прерываетъ его Су-санна съ сердечнымъ негодованіемъ никто, говоримъ мы, не будетъ знать того,

что я погубила честь мою, посрамила моего супруга — ни Богъ, ни моя совѣсть?... Скорбѣй, скорбѣй удались отсюда и избавь меня твоего присутствія! Ступай и веселись тѣмъ, что поругался надъ бѣднымъ семействомъ, которое, ахъ! и безъ того страдаетъ уже много! „ — Ионафанъ хочешь подойти къ ней. — „Остановись, проклятой человекъ! остановись, или... — „Напрасно вы опрелепешь отъ столь выгодной жертвы; подумайте хорошенько: не всегда найши можно кошелекъ со ста гвинейми. „ — Сказавъ, онъ вышелъ вонъ.

„Великій Боже! возопила бѣдная Сусанна, оставшись одна, Великій Боже! не довольно ли я несчастна? — должно ли еще было обременять меня новою горестію, униженіемъ? Увы! радость моя была одна мечта!... Съ какимъ восхищеніемъ я понесла бы эту вѣсть къ моему супругу! Но не цѣною посрамленія должна я облегчать участь его. „

Щадя чувствительность Маршона, она ничего не сказала ему о гнусномъ предложеніи Іонафановомъ это усугубило бы его спраданіе. Между тѣмъ и другіе заимодавцы присоединились къ тому безчеловѣчному, кошорой оп-

казалъ Сусаннѣ, и требовали также уплаты. Марпонъ находился въ самомъ ужаснѣйшемъ положеніи. Тщепно прибѣгалъ онъ къ помощи богатѣйшихъ жителей колоніи — всѣ объ нихъ жалѣли, желали имъ лучшаго щастія, но никто не выскивался помочь имъ. Гибель ихъ была неизбежна и страшное отчаяніе наполняло всѣ дни и часы.

На другой день приходитъ опять безстыдный Ионафанъ. Упреки совѣсти не возмущали уже развращенной души сего злодѣя. Не думая ни мало о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, онъ старался высмагривать всѣ движенія Сусанны, и чѣмъ примѣчалъ ее печаль-

нѣе, тѣмъ полагалъ вѣрнѣйшими свои надежды. Текущія слезы изъ ея глазъ были для него знакомъ, что она покорится наконецъ необходимости и уступитъ извергу торжествовать надъ своею добродѣтелію.

До чего не доводятъ несчастія? .. Сусанна рѣшается просить еще Іонафана, еще надѣется возбудить состраданіе въ помъ, кошорой, подобно хищному тигру, усремляющему пагубныя когти свои на расперзаніе слабой добычи, не спускаетъ съ нее глазъ. Она упадаетъ къ ногамъ его. — „Нѣтъ, государь мой! не оставлю ногъ твоихъ до тѣхъ поръ, пока не испрошу

у тебя хотя малѣйшей помощи — малѣйшей помощи!... Я ничего уже не скрою; супругъ мой изнемогаетъ, дѣти при послѣднемъ издыханіи. Увы! я жена... я мать!... „При семъ зрѣлищѣ какое бы сердце не облилося кровію, чья бы рука не поспѣшила опереть сіи драгоценныя слезы спраждущей добродѣтели? ... Но Іонафанъ былъ не человекъ — чудовище! — „Я умерла бы съ радостію, продолжаетъ несчастная, омывая слезами его руки: умерла бы съ радостію; но что будетъ тогда съ супругомъ и сиротами моими? ... Требуй отъ меня всего — всякая жертва гошова, кромѣ чести

моей; она оспалась единствен-
нымъ сокровищемъ нашимъ.
Уже ли захочешь ты лишить
насъ сего послѣдняго блага
и покрышь вѣчнымъ стыдомъ
и поношеніемъ несчастную мать
и супругу честнѣйшаго чело-
вѣка въ свѣтѣ? Всѣ утѣше-
нія, всѣ вѣрные друзья его
закljučаются во мнѣ одной:
должна ли и я измѣнить
ему?... — Посмотрише на
этѣ сто гвиней, и выбирайте
то или другое; мнѣ нѣкогда
говорить съ вами долго;
черезъ двѣнадцать чепыре часа
меня не будетъ уже въ ко-
лоніи. — Удались, безчеловѣч-
ной!... Ахъ, нѣтъ! поспойше,
милоспивый государь!..., Она
не успѣла еще договорить, и

непорочныя ея руки обнимали уже колына нечестивца. — „Я вамъ сказалъ, что черезъ дваццать четьре часа меня здѣсь не будетъ; но такъ и быть: приду еще завтра въ послѣдніе узнать рѣшимость вашу. Если же найду васъ опять непреклонною, то сказываю вамъ напередъ: не дожидайте отъ меня ни одного шиллинга — ни одного шиллинга!„ — Онъ выходитъ вонъ и оспавляетъ Сусанну почти бездыханною.

Но ахъ! какое еще зрѣлище ожидало ее! Она находишь супруга своего распростертымъ на полу, подлѣ него лежали два старшія малюпки, кспорыя увидѣвъ во-

шедшую мать, протягиваютъ къ ней слабыя свои ручки, и запекшимися отъ голода устами просятъ покусать. Сердце ея замерло. Она кидается къ нимъ, обнимаетъ ихъ — и горячіе поцѣлуи были все, что она могла имъ удѣлать. По томъ обращается къ Марпону: слезы ихъ сливаются взаимно, рыданія усугубляють вопль дѣшей. Тутъ рассказала она все случившееся съ Юнафаномъ. — „Отецъ небесный! воскликнулъ несчастный, обнимая вѣрную свою супругу, Отецъ небесный! и въ самыя минушы горести моей Ты даешь мнѣ чувствовать сладость супружеской любви!

Лобызаю руку порожаящую
меня!... А ты, добродѣтель-
нѣйшая изъ женщинъ, беспо-
добная супруга! вмѣсто того,
чтобы возненавидѣшь, прокли-
нашь меня за погубленіе свое —
ты сполько меня еще лю-
бишь! — Другъ мой! я ни-
чего не сдѣлала, кромѣ долж-
наго; но естли бы и долж-
носшь меня къ тому не обя-
вывала.,. — Довольно одной
моей любви къ тебѣ, чтобы
преодолѣшь всякое искуше-
ніе!,, — Маршонъ пожимаетъ
у нее руку. — „Завпре, го-
воритъ оав, завпре томъ
ужасный срочный день, въ
которой мы должны плашишь
заимодавцамъ, или гошовишь
умирашь въ тюрьмѣ. Умремъ,

Сусанна ! умремь, когда уже опредѣлила намь такъ злощастная судьба наша!...,, — Но вдругъ приходитъ ему на память Г. Варстофъ, старшій Пасторъ колоніи. — „Пойду къ Гну. Варстофу пр сить помощи; представляю ему весь ужасъ положенія нашего; скажу: когда бы не столь любили мы добродѣтель, менѣе уважали священные узы супружества... О! непременно онъ поможетъ намъ; сама религія обязываетъ его къ тому.

Сей Г. Варстофъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ богобоязливыхъ пастырей, которые непрестанно проповѣдуютъ намъ о добродѣтеляхъ,

о наказаніи небесномъ за неисполненіе должностей нашихъ прошиву ближняго; которые, напоминая намъ о молитвахъ къ Бѣгу, повелѣваютъ взирати на всѣ здѣшнія нещастія какъ на одно слабое искушеніе, ведущее насъ къ блаженной вѣчности; что жизнь наша есть только краткое странствіе: почему и должно уклонити себя отъ всѣхъ прелестей временнаго міра, и имѣти всегда обращенными очи и сердца къ истинному отечеству нашему, къ горнему Іерусалиму. — Вотъ о чемъ не умолкала проповѣдывали освященные его уста; но что касалось до души его, то

она очень была далека отъ исполненія сихъ Евангельскихъ истиннѣ: гордость, мщеніе и припворство были главными ея свойствами. Когда онѣ видѣлъ кого погибающимъ, то не скорую руку помощи простиралъ къ несчастному, но языкомъ пастыря увѣщавалъ не раздражать Провидѣніе, и чрезъ то ненавлекъ на себя новаго наказанія. Впрочемъ онѣ не опказывалъ себѣ ни въ чемъ, касательно до вкуса и нѣги, и при томъ на все это имѣлъ свои доказательства; на примѣръ: роскошной столъ и покойныя плашья употреблялъ онѣ, какъ говорилъ, изъ одного только повиновенія

къ властямъ своимъ, которыя повелѣвали ему беречь себя какъ нужнѣйшаго члена для всей колоніи и швердѣйшую опору закона Христіанскаго.

Къ сему . то примѣру Религіи и добродѣтели прибѣгнулъ злополучный Маршонъ. Онъ разсказалъ ему всѣ свои обстоятельствова прибавивъ къ тому и гнусное предложеніе Іонафана. Благочестивый служитель вѣры, возведя руки свои къ Небу, прежде всего началъ проклиная жестокосердіе людей; по томъ, обратясь къ Маршону, совѣтовалъ ему не опчаяваться, выхвалялъ добродѣтельный поступокъ Сусанны — и наконецъ, въ заключеніе уми-

лительной своей проповѣди, пожелалъ Мартону лучшей участи, обѣщаясь не забывать его въ своихъ молитвахъ.

„Оставьте всѣ поученія ваши, честнѣйшій отецъ! Я погибаю: одинъ кусокъ хлѣба теперь нуженъ для меня всѣхъ проповѣдей на свѣтѣ!„ — Г. Варстофъ началъ опять увѣрять его въ искреннемъ своемъ участіи, жалѣлъ, что на сей разъ не можетъ ему помочь. — „Число бѣдныхъ, говорилъ онъ, входящихъ ко мнѣ ежедневно просить помощи, нынѣ такъ велико стало. Ахъ! я самъ чувствую въ душѣ моей сей тягостный грѣхъ отказа просящему; но что мнѣ дѣлать? доходы наши умень-

шены, подавня щедрыхъ людей совсѣмъ прекрашились... Однако же, будь увѣренъ, мой другъ, что при первомъ благопріятномъ случаѣ я о тебѣ вспомню... — Пастырское благословеніе и желаніе щасливато пуши было окончаніемъ ихъ разговора.

„Нѣтъ состраданія, нѣтъ жалости къ несчастнымъ, нѣтъ челоѳчества на землѣ: одни дикіе звѣри населяютъ ее! говорилъ Мартонъ, возвращаясь къ супругѣ своей; — но скоро, скоро уже окончатся всѣ наши страданія: пусть кровопійцы наслаждаются жизнью!... Сусанна! теперь все кончено... лицемѣръ отказалъ намъ... — И ника-

кой помощи? — Ни малой, кроме одного прищворнаго сожалѣнія, которымъ онъ спарался прикрыть черноту своей души . . . — Что же онъ сказалъ тебѣ? — Что число бѣдныхъ умножилось, а подаваній нѣтъ. . . Живы ли дѣти? „ — „Маленькой чуть живъ уже. — Чуть живъ! . . . Видѣла ли ты Ионафана? — Онъ приходилъ сюда съ плѣмъ же, и сказалъ, что завтра непременно ѣдетъ отсюда. — Завтре! завтре! . . . „ Онъ подходитъ къ умирающему младенцу, беретъ его на руки и усеремляетъ на него опеческій взоръ свой, желая наглядѣться въ послѣдніе. Бѣдный! бѣдный! и такъ дол-

жно, чтобы начало жизни
прекрасилось съ такимъ стра-
даніемъ? и такъ должно, что-
бы несчастной твоей отецъ
не имѣлъ куска хлѣба вложишь
тебѣ въ уста и продлить
невинные твои дни? .. Ахъ!
для чего я отецъ!...», —
Сильныя рыданія прерываютъ
слова его.

Сусаяна не знаетъ что
ей дѣлать: опчаянный су-
пругъ, умирающій сынъ, дру-
гіе два пребующіе пищи, бѣд-
ность, ея чувствительное
сердце!... Наконецъ собрав-
шись нѣсколько съ силами,
она рѣшается итти и упасть
къ ногамъ перваго, кто по-
падется ей. Выходитъ изъ
своего дому — опчаяніе заво-

дить ея въ ближній перелѣсокъ — тамъ первой предметъ, встрѣпившійся глазамъ ея, былъ... Ионафанъ. И разверзающійся адъ не могъ бы утѣшить ея болѣе! вся внутренность задрожала въ ней отъ ужаса. Она упадаетъ безъ чувствъ подлѣ одного дерева. Тогда сей неистовый человекъ, не видя никого вокругъ себя, не страшась небеснаго мщенія, забываетъ все права природы...

- - - - -
- - - - -
- - - - -
- - - - -

Ахъ! какое перо можетъ описать чувствованія сей до-

бродѣшельной женщины, когда она пришла въ самое себя ! Первое ея движеніе было отбросить гнусный кошелекъ, оставленный подлѣ нее Ионафаномъ. По томъ закрываешь глаза свои съ твердою рѣшимостію не открываешь ихъ во вѣки, дабы не видѣшь своего посрамленія; но обожаемый супругъ, милыя дѣти, входящѣ на память ей — она позволяетъ себѣ еще разъ увидѣшь ихъ и по томъ умереть непременно. Кошелекъ лежалъ передъ нею. Добродѣтель и любовь супруга и маперидолго сражали ее самое съ собою, брать ли сей знакъ пагубы своей непороч-

испи; — но природа одержала верхъ.

Тихими шагами возвращается она къ своему жилищу; каждой предметъ, встрѣчающійся на пути, напоминаетъ ей о прежней ея невинности; — но уже ли она виновна теперь предъ всевидящимъ Существомъ, и слезы, сколько драгоценныя слезы, ахъ! не омываютьъ ли предъ Нимъ и самыя умысленныя преступленія? — Не доходя до дому она садится на камень — встаетъ — опять садится: ей слышится какой-то жалобной вопль; — идетъ далѣе — и каждый приближающій шагъ болѣе возмущаетъ ея душу. Съ потупленнымъ взоромъ опворяетъ

она дверь въ свою комнату. —
„Вотъ плоды невиннаго моего преступленія! „ восклицаетъ несчастная, бросивъ кошелекъ на полъ; но отвѣта нѣтъ — все тихо... Ей попадается въ глаза развернутая записка; она узнаетъ почеркъ Мартона — и читаетъ слѣдующее:

„Маленькой нашъ сынъ
„скончался — другіе скоро за
„нимъ послѣдуютъ — преступленіе могло спасти насъ; но я гнушался бы тогда моею жизнью. — Нѣтъ силъ болѣе переживать мои несчастія — не могу видѣть умирающими дѣтей моихъ и дожидаться конца твоего, возлюбленная супруга! Ахъ!

„ты знаешь, какъ я любилъ
„себя!... Суди же о моемъ
„спраданіи! Оставляя тебя
„одну безъ помощи, шрепещу,
„что будешь съ шобою!...
„Ужели Всевышній не прос-
„шитъ мнѣ шого, что я нѣ-
„сколькими часами ускоряю
„ходъ горестнаго моего бы-
„шя? — Прости, единствен-
„ный другъ души моей! будь
„щаслива! или... прости!„ —

Бумага выпадаешъ у
нее изъ рукъ. Въ безпамят-
ствѣ бѣгаетъ она по все-
му дому, ищетъ, кличетъ
Маршона — и наконецъ
находитъ его въ углу шой
же комнаты, гдѣ прежде
въ отчаяніи своемъ не могла
примѣшить. Онъ плавалъ въ

крови своей, мертвое дитя было въ его объятіяхъ. Сусанна бросается скорбе зажать рану. Рокъ не хотѣлъ окончанъ дней Марпоновыхъ, не давъ почувствовать ему новыхъ бѣдствій: ударъ былъ не смертеленъ, онъ отворяетъ глаза, подобно человѣку пробуждающемуся отъ крѣпкаго сна. — „За чѣмъ не допускаете меня умереть? Кто возвращаетъ меня къ спрадіаніямъ моимъ?... Ахъ! эптопы, Сусанна! оказываешь мнѣ сію жестокую услугу!...„ — Глаза его встрѣчаются съ кошелькомъ. — „Что я вижу! безчестіе мое совершено!„ — и въ испуленіи своемъ срываетъ плащокъ, которымъ

перевязана его рана. — „Удались, удались отъ меня слабая женщина! за чѣмъ ты остановила эту текущую кровь? я бы спокойно умеръ, не видавъ любѣйшаго изъ всѣхъ моихъ несчастій!„ — „Я заслуживаю гнѣвъ твой, любезный супругъ! если смѣю еще назваться тебѣ; я его заслуживаю; но позволь — хотя не изъ любви уже ко мнѣ — изъ любви къ бѣднымъ дѣтямъ нашимъ, позволь перевязать твою рану; жизнь твоя необходима для нихъ.„ — Говоря это, она переязываетъ его по прежнему рану. Мартонъ встаетъ, поддерживаемый Сусанною, и съ сердечнымъ содроганіемъ смотритъ

на кошелекъ. — „Вотъ, до чего довела насъ наконецъ участь наша! но что дѣлать; надобно поспѣшить помочь эшѣмъ невиннымъ твореніямъ: онѣ умираютъ съ голоду. О дѣши! дѣши! много вы споите сердцу родительскому! „ — Сусанна спарается оправдать себя въ душѣ супруга своего. — „Я чувствую весь стыдъ мой, говоритъ она, испустивъ тяжелый вздохъ: чувствую, что не достойна больше называться твоею супругою, хотя пресупленіе мое не есть произвольное; ибо Ионафанъ воспользовался минушою безпамятства моего; но довольно! — Честь моя посрамлена оппныи не-

жаспная Сусанна не имѣетъ
уже права на твою любовь —
и съ дражайшимъ именемъ
супруга исчезло для меня все
на свѣтѣ . . . . Я рѣшилась! . . .
Объ одной только милоспи
прошу тебя , объ одной ми-
лоспи : ахъ ! не ненавидь ме-
ня по смерти моей! „ — Мар-
шонъ подаетъ ей руку. —
„Остановись и не приближай-
ся къ той, которая гнушает-
ся уже сама собою! . . . . О!
если бы въ самую эту ми-
нушу разверзлась земля подъ
ногами моими и поглотила
бѣдную! . . . . Боже мой ! Боже
мой! . . . — „

Между тѣмъ родитель-
ское сердце помнитъ нужду
дѣшей. Маршонъ беретъ ко-

шелкѣ съ гвинеями, и при
всей слабости, отъ множества
выпекшей крови, идетъ ку-
пишь имъ пищи. Въ отсут-
ствіе его Сусанна омыла тѣло
маленькаго покойника, и сидя
подлѣ него, обливалася горки-
ми слезами. — Искупивъ, что
нужно было въ тогдашнемъ
ихъ положеніи, и будучи чест-
нѣйшимъ изъ людей, Маршонъ
за первое счелъ займи къ за-
имодавцамъ и уплатить имъ
сколько могъ. — О злой рокъ!
еще ли не насытился ты го-
неніемъ сихъ несчастныхъ?
еще ли готовишь для нихъ
новые ковы и веселишься,
пиранствуя надъ спражду-
щею добродѣтелію! — Едва
успѣлъ онъ по приходѣ своемъ

обдѣлишь пищею дѣтей; едва хотѣлъ только проглотить кусокъ хлѣба, орошенный слезами, для подкрѣпленія своего, какъ вдругъ услышалъ шумъ около дому. Входящъ спрѣжи, надѣвають оковы на Мартона и Сусанну, и отводя ихъ въ тюрьму. — Плачущія дѣти бѣгутъ за матерью и заключаются вмѣстѣ съ нею. И такъ жилище зла и преступленій спало шеперь удѣломъ непорочности и добродѣтели! Сусанна озирается вокругъ себя. Какой ужасъ! слабый свѣтъ отъ лампы, прикрѣпленной къ сводамъ, не освѣщавъ, но еще болѣе увеличивавъ мракъ подземельной сей пропасти;

тяжелыя цѣпи звучали на рукахъ и ногахъ ; сырость и духота останавливали ея дыханіе — дѣши лежали на соломѣ подлѣ нее.

Маршонъ заключенъ былъ также въ особливой инюрьмѣ. Онъ въ горести сердца своего часто взиралъ на оковы свои, и глубокіе вздохи были единственнымъ извѣщеніемъ состоянія его души. На другой день поушру приводяшъ ихъ въ залу совѣща. Между прочими , бывшими тамъ , Маршонъ примѣтилъ тѣхъ заимодавцевъ , которымъ онъ уплачивалъ наканунѣ шого дня. Судьи велѣли подойти Маршону и Сусаннѣ. Одинъ изъ судей, показывая ему гви-

кеи спросилъ: шѣ ли это, которыя онѣ плашилъ вчера заимодавцамъ? — „Ты конечно узнаешь ихъ, продолжалъ Судья обвиненіе ваше не требуетъ дальнихъ доказательствъ; оспаривается только узнать о другихъ сообщникахъ вашихъ... „ — „О нашихъ сообщникахъ? прерываетъ его Маршонъ: о сообщникахъ?... Государь мой! я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы изволили меня спрашивать... „ — „Я спрашиваю тебя, чшобы ты открылъ скорѣе другихъ сообщниковъ своихъ въ помъ ремеслѣ, и сколько было всѣхъ васъ дѣлателей фальшивой монеты? — Фальшивой моне-

ты! вскричалъ въ изступле-
ніи Маршонъ фальшивой мо-
нешы!... Да будетъ проклятъ
губишель мой, шодикократно
меня поражающій!, . - Звукъ
цѣпей его раздался по всей
залѣ. Сусанна упадаетъ безъ
памяти; но важность сего
обвиненія скоро приводитъ ее
въ самое себя. Она рѣшается
открыть все, собственный
спыдъ ничего уже для нее;
оправданіе супруга почи-
таешь она драгоцѣннѣе са-
мой жизни — чести своею.
Благородная рѣшимость за-
биспала въ ея глазахъ; грудь
ея подымалася сильнѣе обык-
новеннаго, и терпѣніе вели-
кой, непобѣдимой души, изъ-
являла каждая черта ея ли-

ща. Казалось не человѣчество, но сама божественная непорочность хопѣла въ щать оправданіе свое ея устами. Она проситъ позволенія говорить. Въ залѣ все утихло. Взоры и сердца всѣхъ устремились на сію гонимую добродѣтель. Сусанна начинается.

„И шакѣ когда уже нещастія довели меня до того, что я должна отккрыть тайну, которую бы желала сокрыть вѣчно отъ самой себя — покараюсь моей участи. Здѣсь стоятъ передъ вами двое нещастныхъ, ксимѣ подобные въ злополучіи едва ли когда существовали на землѣ. . . Взаимная любовь соединила сердца наши, взаим-

ныя страданія еще болѣе укрѣпили сей союзъ. Мы были бѣдны; но трудолюбіемъ всегда старались замѣнить недостатки свой: и Богу извѣстно, съ какимъ тщаніемъ, съ какимъ изнуреніемъ самыхъ силъ нашихъ старались мы о воспитаніи дѣтей своихъ. Супругъ мой имѣлъ слишкомъ чувствительное сердце — вотъ что и погубило его. Несчастія ближняго прогали его болѣе своихъ собственныхъ. Онъ сжался надъ однимъ недоспойнымъ и поручился за него во всѣхъ долгахъ; хотя долги его превышали все наше имущество, но супругъ веселился шѣмъ, что сдѣлалъ добро человѣку. Не-

благодарной уѣхаль отсюда шайно, и мы обязаны спали за него плашпшь. Сей пигрѣ, она указала на одного изъ заимодавцевъ — не хотѣлъ сдѣлать намъ ни малой отсрочки. Сколько я ни просила его, сколько ни представляла ему невозможность нашу заплатить скоро; но сей жестокосердый человекъ ни чѣмъ не былъ прогнущъ. Въ это время другой варваръ, проклятое чудовище, позоръ Человѣчества и Природы, Ионафанъ имя его, открылъ мнѣ любовь свою и предлагалъ кошелекъ со спа гвинееми, еспьли я соглашусь на его гнусное желаніе. Я любила честь свою, обожала супруга

моего ; ему одному посвященны
были всѣ чувства души моей —
и такъ не колебаясь ни мало
отвергла такое предложеніе.
Между тѣмъ бѣдность наша
увеличивалась день ото дня.
Ахъ ! безъ сомнѣнія есть ме-
жду вами , которые имѣютъ
у себя дѣтей : къ нимъ я
обращаю теперь рѣчь мою ;
да возчувствуютъ они по-
дашнее спраданіе наше ! Ча-
сто недоставало ли пищи дѣ-
тямъ нашимъ ; ихъ вопль
раздиралъ сердца родитель-
скія. Что намъ оставалось
дѣлать ? Мы прибѣгли къ по-
даянію , но вездѣ отказывали.
Рокъ захотѣлъ довершить ги-
бель нашу. Я выхожу изъ
моего дому , спчаяніе вело

меня не знаю сама куда; Донафанъ явился вдругъ передо мною — ужасъ овладѣлъ всѣми моими чувствами, и я упала шибже безъ памяти. Извергъ, забывъ все въ неисповѣдѣ своемъ, воспользовался минутою моего безпамятства. . . . Пришедъ въ себя я увидѣла кошелекъ. — Я умерла бы тогда же; смерть не имѣла уже для меня ничего ужаснаго; но я хотѣла пережить самый стыдъ мой, чшобъ оказать хотя малую услугу моему семейству. Вижу теперь, что все тщетно! . . . Не довольно ли было того, чшобы эща люшая пайна одна перзала мою душу, должно ли еще и посрамленію

моему быть известнымъ цѣ-
лому свѣту? . . . Судии! на-
родъ! душа моя обнажена
передъ вами: вопль всѣхъ пре-
ступленія наши! клянусь,
что это тѣ самыя гвиней,
копорыя ославилъ подлѣ ме-
ня Ионафанъ. Судите теперь
супруга моего и оправдайте
его, пока я жива. Я чувствую
уже приближеніе смерти мо-
ей. . . Скоро, скоро прекра-
тятся всѣ мои страданія. . .
Ахъ! позвольте мнѣ имѣть
послѣднее утѣшеніе — утѣ-
шеніе умереть на рукахъ
своего возлюбленнаго. . . Я из-
немогаю . . . Прости, Мар-
шонъ! . . . Дѣши мои, любезные
дѣши! . . .» —

Судьи немедленно велѣли снять съ нее оковы. Сусанна блѣдная, умирающая, упала на руки милаго своего супруга и послѣднее слово слабо - вылетѣвшее изъ устъ ея было... Маршонъ.

Порядокъ требовалъ сдѣлать очную спавку Маршону съ Ионафаномъ, котораго тогда же послано вездѣ искать и остановить, гдѣ бы онъ ни былъ. На другой день приносятся въ собраніе слѣдующую записку :

„Нещастія мои превзошли всю мѣру терпѣнія. — Нѣтъ больше силъ превозмогать ихъ ! Такое спеченіе злополучій я принимаю непосредственно за небесный за-

„конѣ , повелѣвающей мнѣ
„прервать лишь бѣдствен-
„ныхъ моихъ дней. Почему и
„медлишь — почему?... Я
„умираю съ радостію , на-
„дѣясь , что шамъ , за гро-
„бомъ , соединюсь съ тою ,
„которой не было ничего ми-
„лѣе мнѣ въ жизни!... Объ
„одной только милости про-
„шу васъ : бѣдное шѣло мое
„погребите вмѣстѣ съ шѣ-
„ломъ Сусанны ; а дѣтей мо-
„ихъ препоручаю... Богу! —
„да будутъ онѣ щастливѣе
„своихъ родителей!

Мартонъ. „

Выпшый ядъ скончалъ
дни его.

Вскорѣ по шомъ пойманъ
Ионафанъ. Онъ признался въ дѣ-

ланій фальшивой монеты, и во всѣхъ другихъ своихъ злодѣяніяхъ. Опреѣленную казнь почиталъ онъ для себя великимъ благомъ; ибо съ самой той минушы, говорилъ онъ, какъ посрамилъ несчастную, совѣсть терзала его непрестанно. Тѣнь Су-санны и ея супруга мечшались ему и упрекали за свое погубленіе. Наконецъ надѣялся онъ еще, что сіи послѣднія минушы раскаяніа ослабятъ хоть мало его преступленія, и что Всевышнее, благое Существо не совѣмъ отринетъ пороками омраченную его душу.

К о н е ц ъ.
